

В. П. ЛУКЬЯНИН,

сопредседатель Союза российских писателей, писатель, литературный критик,
кандидат философских наук, Заслуженный работник культуры РФ

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ЗНАНИЕ КАК «НЕОПОЗНАННЫЙ» КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ

Традиция словоупотребления, закреплённая в словарях, предполагает, что образование — это процесс передачи и усвоения знаний. Современная ситуация в системе образования чрезвычайно осложнена тем обстоятельством, что объём знаний, которые накоплены человечеством, уже сегодня неподъёмны и продолжает лавинообразно нарастать. И вот парадокс: с одной стороны, знания, передаваемые в процессе образования, начинают забываться уже в ходе самого этого процесса, так что студент, отлично сдавший экзамен по какому-то предмету на первом или втором курсе, едва ли смог бы пересдать его так же успешно на пятом курсе. С другой стороны, наращивание объёма знаний априори считается делом естественным и необходимым; одна из важнейших целей образования как раз в том и состоит, чтобы подготовить людей, способных вырабатывать новые знания. Необходимость «встроиться» в этот противоречивый процесс заставляет организаторов образования и у нас в стране, и за рубежом снова и снова перекраивать программы, изобретать новые формы организации учебного процесса, дифференцировать уровни образования и т. п. Но едва ли кто-то решится утверждать, что все эти усилия приводят к удовлетворительным результатам.

Между тем есть ещё одна проблема образования — на мой взгляд, даже и более важная, однако ещё менее успешно решаемая. Пожалуй, наиболее кратко и внятно её обо-

значил Гераклит: «Многознание ума не прибавляет». Ум, то есть тот интеллектуальный механизм, который позволяет успешно пользоваться багажом знаний, представляет собой нечто отличное от суммы знаний. Нет сомнений, что это «нечто» для формирования и специалиста, и личности вообще много важнее, нежели накопление знаний (в конце концов, недостающие знания умный человек, не перегружая свою память, всегда может почерпнуть из справочника, памяти компьютера или Интернета). Что же это «нечто» собой представляет и можно ли ему научиться?

В обиходе существует два основных подхода к толкованию феномена, «сопровождающего» знание в духовном мире полноценной личности. Первый заключён в традиционной формуле «образование и воспитание»; он предполагает, что истина эффективна лишь в связке с ценностью, а поэтому знания должны быть включены в действенную систему ценностных ориентаций (которая может описываться в разных категориях: нравственных, религиозных, гражданской самоидентификации и т. п.). Вряд ли можно спорить с этими утверждениями, но надо сразу заметить, что ни высоконравственная позиция, ни патристический порыв не помогают найти, например, верное инженерное решение или интерпретировать экспериментальный факт.

Другой подход: знание должно быть дополнено *опытом*. Само по себе это утверждение

представляется тривиальным, пока мы не коснемся вопроса о том, а что, собственно говоря, представляет собой этот феномен — опыт? Умение применять знание на практике? Но почему применение знания вызывает затруднения? Наша образовательная традиция пренебрегает этими вопросами, полагаясь на то, что разного рода «практики» (в процессе обучения или в первое время после окончания учебного заведения) решат проблему сами собой. Между тем за «опытом», дополняющим знание, кроется чрезвычайно важная гносеологическая проблема.

Суть ее в том, что дискурсивное («положительное», научное) знание, каким бы необъятным оно нам ни казалось, на самом деле *конечно*, а представляет оно в нашем сознании *бесконечную* реальность. Что скрывается за границами (не принципиальными, а существующими в каждый конкретный момент) знания? На этот вопрос ответа быть не может, но взаимодействуем-то мы с реальным миром, решая какие-то практические задачи, не в рамках познанного, а обращаясь ко всей его полноте! Вот эта неполнота знания и компенсируется опытом, при этом опыт представляет собой не «приложение» к зна-

нию, а полноценное *самостоятельное* знание, отнюдь не сводимое к «умению». Это, например, способность ученого оценивать решение задачи по стройности доказательств или умение конструктора видеть по чертежу, будет работать конструкция или не будет. Это *непосредственное* знание, которое некоторые философы (например Бердяев) ставят выше дискурсивного.

Непосредственное знание в практической жизни людей играет не менее важную роль, нежели дискурсивное. На нем основывается не только умение распознавать правильные решения, но и приходиться к таковым. На нем базируются мировоззренческие системы. Без него научный факт — вроде отчетливого ориентира в лесу, когда у вас нет ни компаса, ни карты.

Как формируется, сохраняется и передается непосредственное знание? Вот вопросы, которыми практически не занимается наша система образования. Между тем от их решения зависит и движение человека от одного этапа образования к другому (что-то служит «мостиком» к следующему этапу и потом без ущерба может быть забыто и т. п.), и понимание роли гуманитарного компонента, и последствия внедрения информационных технологий.